УДК 82.3
ББК 83.3(2)

*В. С. Сергеева,
Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук,
ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия*

ИСТОРИЯ И ВЫМЫСЕЛ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ

Аннотация: Особое отношение к ключевым событиям русской истории XIX в. хорошо заметно на рубеже веков, в эпоху символизма, а также в советской литературе. Цель данной статьи — рассмотреть, как формировалось и менялось отношение к «отрицательному персонажу» в ряде произведений, посвящённых теме декабристов (роман Д. С. Мережковского «Александр I», повести «Черниговцы» А. Слонимского, «Северное сияние» М. Марич и «Никогда никого не забуду» С. Рассадина). В исторической прозе существует особая связь автора с материалом. Изображая то или иное событие, писатель может преследовать различные цели — сопоставлять его с чем-то хронологически более близким ему, задавать нужный ракурс для читателей, анализировать происходящее с точки зрения персонажей. Исследуя исторический роман с точки зрения литературной достоверности и исторической правды, изучая документы эпохи и общий литературный контекст, мы зачастую наблюдаем, как историческое событие преломляется сквозь память и восприятие как современников, так и людей последующих эпох.

Ключевые слова: русская литература, советская литература, история, историзм, вымысел, декабристы, декабристский миф.

Дата поступления статьи: 27.06.2016

Информация об авторе: Валентина Сергеевна Сергеева — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела теории литературы, Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук. E-mail: yogik84@mail.ru

История декабристского восстания привлекала многих писателей, с тех пор как эта литературная традиция была заложена Н. А. Некрасовым («Дедушка» и «Русские женщины»), а сам сюжет вошёл в литературный и культурный обиход. Л. Н. Толстой в 1860–1861 гг. пишет неоконченный роман «Декабристы» (опубл. в 1884 г.), который начинается с возвращения в Москву, с женой и детьми, бывшего ссыльного, по имени Пётр Иванович Лабазов. В письме к историку П. Е. Щеголеву Толстой сказал: «Декабристы всегда интересны и вызывают самые серьезные мысли и чувства»¹. Впрочем, основное количество произведений, непосредственно посвящённых истории декабристов, относится уже к XX в., когда само событие уже успевает отойти довольно далеко

¹ Письмо Л. Н. Толстого П. Е. Щеголеву от 8 июня 1908 года. См.: Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М.: ГИХЛ, 1956. Т. 78. С. 176.

в прошлое, а литературная среда и историко-политическая обстановка, в немалой степени обуславливавшая отношение к конкретным героям, — пережить ряд настоящих переворотов².

Историзм в историческом романе — казалось бы, плеоназм, если только это не так называемый костюмный или чисто приключенческий роман, где исторические события — только фон. Однако соотношение истории и вымысла в историческом жанре всегда не случайно; особое значение здесь имеет цель, которую ставит перед собой автор, потому хотя бы, что в лучших своих образцах исторический роман повествует о предельно важных вещах. Исторический роман — почти всего роман инициативный, посвящённый становлению личности, её духовной реализации, обретению своего места в мире, и/или повествующий о поиске идентификации (личной, гражданской, общенациональной и т.д.). Писатель, задавшийся целью создать «правдивый», с его точки зрения, исторический роман (или повесть), точно так же проводит исследование и собирает материалы, как учёный, иногда словно провоцируя до того читателя на сверку фактологии. «С его точки зрения» — ключевые здесь слова. История как совокупность (а иногда хаотическая игра) феноменов, нуждающихся в истолковании, превращает произведение в двойной код. И роман, и исторический опус способны дать более или менее адекватную картину действительности, но для художественного произведения особенно справедливо то, что в его основе лежит не факт, а точка зрения. Для целых литератур и отдельных направлений, зачастую принципиально ориентированных на поиск и утверждение собственной идентификации, на создание текстов-свидетельств о самих себе, исторический жанр представляется особенно продуктивным, он даёт поддержку в изначальном стремлении к созданию истории-мифа, «истории-аргумента» для утверждения и подтверждения ряда внутренних концепций. В историческом романе, когда писатель одновременно играет роль исследователя, а зачастую и критика (не говоря уж о тех случаях, когда он надевает маску издателя или переводчика), грани отражений ещё множатся.

Оформляя историю как текст и изображая некое событие или персонажа, писатель может преследовать разные цели: усилить и проиллюстрировать значимый мотив, дополнительно разъяснив его читателям; изменить читательские представления о реальности, создавая или развенчивая миф; дать альтернативную версию событий; сопоставить происходящее с чем-то хронологически более близким; проанализировать его с точки зрения персонажей. Наконец, автор может расставить неожиданные — или, наоборот, в чём-то предсказуемые — акценты как в реальности, современной для автора, так и в реальности, современной для любого читателя. Авторское целенаправление — обязательный компонент, который необходимо учитывать, говоря о достоверности и вымысле в исторической прозе. Изучая исторический роман, мы зачастую наблюдаем, как историческое событие преломляется сквозь память и восприятие современников и людей последующих эпох. Это можно проследить на примере одного персонажа, который появляется в большинстве крупных произведений декабристской тематики, — полковника Артамона Муравьева, одного из активных участников Южного общества. Оговоримся сразу, что отношение к этому герою во многом определялось двумя основными текстами документально-художественного характера — «Записками»

² Л. Н. Толстой в повести «Божеское и человеческое» (1905, опубликовано в 1906) очень ярко описывает трагическую разницу между тремя поколениями революционеров.

И. И. Горбачевского и «Белой Церковью» Ф. Ф. Вадковского³, где А. З. Муравьев был напрямую назван одним из виновников неудачи восстания на Юге (отказал в помощи Сергею Муравьеву-Апостолу, явившемуся к нему просить военной поддержки)⁴. При достаточно чётком авторском обозначении «плюсов» и «минусов» простейшая схема выглядит так: если восстание (как ключевое событие сюжета) находится на положительном полюсе событий, то всё, что ему противостоит, «уходит в минус». Для создания определённого образа персонажа и формирования соответствующего читательского отношения используется целый ряд приёмов, иногда выходящих за рамки историчности: утрировка, шарж, даже «заимствование» поступков и историй из биографий других лиц. Можно заметить, что на протяжении семидесяти лет эта линия постепенно идёт по нисходящей.

Д. С. Мережковский начал работу над романом «Александр I» (вторым в трилогии «Царство Зверя») летом 1909 г.; роман был завершён в 1911 г. и вышел отдельным изданием два года спустя. Дав широкий исторический фон (высший свет, масонские ложи, религиозные секты, участники заговора и т.д.), автор поставил глобальную задачу — реконструкцию характеров персонажей (в том числе Александра I) с чисто человеческой, нравственной стороны, поиск целостной «религиозной души». Роковое личное непонимание, эмоциональность в противоположность холодной логике, подверженность страстям и суевериям — все эти «человеческие факторы» пользовались преимущественной симпатией автора. Субъективный подход Мережковского оправдал себя, «Александр I» имел большой читательский успех. «<Это> едва ли не первый русский роман, где близкие нам по времени и по духу исторические лица изображены не в условных, цензурой дозволенных, положениях и позах, а в частном и семейном их быту, со многими тайными подробностями, недоступными до сих пор печати», — писал критик Б. А. Садовской, отмечая, впрочем, далее, что подобная «интимность» изображения предполагает искажение истории [14, с. 116]. Симпатии Мережковского ясны: самодержавие, по сути, «антихристова» сила, декабристы — «первенцы русской свободы» (по выражению историка П.Е. Щеголева). «Нелюбимый» герой предстаёт в нарочито карикатурном виде, буквально всё в нём таково, что относиться к нему с симпатией (или с какой-то долей серьёзности) невозможно: он обжора, пьяница, бахвал и трус.

— Все благородно мыслящие люди решили свергнуть с себя иго самовластия. Довольно уже страдали, стыдно терпеть унижение, — говорил начальнически-жирным басом полковник Ахтырского гусарского полка Артамон Захарович

³ «Записки» впервые опубликованы «Русском архиве» П. И. Бартенева под названием «Записки неизвестного из Общества соединённых славян» («Русский архив», 1882, кн. 2), «Белая Церковь» — в издании А. И. Герцена «Записки декабристов» (Вып. 2-3, Лондон: Вольная рус. тип., 1863. Вып. 2–3. С. 163–181), затем перепечатывалась в начале 70-х гг. в «Собрании материалов для истории возрождения России» (Лейпциг).

⁴ Заметим, что конкретно здесь ни Горбачевского, ни Вадковского нельзя считать источником в строгом смысле слова: ни один из них не был очевидцем описываемого события. Ныне доступные материалы следственных дел С. И. Муравьева-Апостола, М. И. Муравьева-Апостола, А. З. Муравьева и М. П. Бестужева-Рюмина свидетельствуют о том, что этот эпизод, как минимум, не настолько однозначен. И Мережковский, и прочие авторы, о которых здесь идёт речь, во время написания своих произведений вынужденно имели в распоряжении только мемуарику различной степени достоверности. То есть о намеренном искажении речи не идёт.

⁵ Эта трилогия начинается драмой «Павел I» (1908) и завершается романом «14 декабря» (опубл. в 1918 г.).

Муравьев, апоплексического вида толстяк, заедая рюмку водки селедкой. <...> И жирный бас хрипел, жирный кадык трясся, толстая шея наливалась кровью, точно так же как перед фронтом, когда он, бывало, на гусар своих покрикивал: “Седьмой взвод, протоканальи! Спячка на вас напала? Ну, смотри, как бы я вас не разбудил!”

Бранил всех, а пуще всех государя. Вдруг сказал о нем такое, что у Саши дух захватило, и вспомнилось ему, как тот же Артамон Захарович намедни, на балу у пана Поляновского, хвастая любовью русских к царю и отечеству, повторял слова свои, сказанные, будто бы, перед Бородинским боем: “Когда меня убьют, вели-те вскрыть мою грудь и увидите на сердце отпечаток двуглавого орла с шифром: А. П.” (Александр Павлович)⁶. А теперь вот что! Это, впрочем, Сашу не удивило, как не удивило то, что в обратном ландшафте люди ходят вверх ногами.

<...> Выпил, крякнул, закусил соленым рыжиком и перешел нечувствительно от политики к женщинам.

— Намедни панна Ядвига Сигизмундовна сказывала: “В Париже, говорит, изобрели какие-то прозрачные сорочки: как наденешь на себя да осмотришься, так все насквозь и виднехонько...”⁷.

И, рассказав непристойный анекдот по этому поводу, засмеялся так, что, казалось, тяжелая телега загрохотала по булыжнику [6].

Это сравнение повторяется дальше почти дословно: «Да я бы свой полк, если бы он за мной не пошел, погнал палками! — загрохотал Артамон Захарыч, как тяжелая телега по булыжнику» [6].

Характеристика персонажа, в общем, весьма однозначна. Сочетание достаточно близкого следования источникам с чисто авторскими фразами, внедрёнными в текст, приводит к тому, что вымышленные фразы кажутся вполне достоверными даже в тех случаях, когда описываемое автором не соответствует действительности. Так, в достаточно подробно пересказанный в «Записках» Горбачевского (и подтвержденный затем материалами следственных дел) разговор нескольких офицеров о том, откуда взять деньги на продовольствие восставшей армии на походе, вкраплено предложение Муравьева «пожиться» золотом графини Браницкой, т. е. попросту ограбить её; а когда заговорщики условливаются дать клятву при первом же знаке выступить с оружием в руках, Артамон Муравьев на собрание не является — и это также не соответствует действительности.

Мережковский последовательно выполняет свою задачу — создать образ персонажа, который служил бы, во-первых, воплощением «фальшивых заговорщиков» в глазах молодого — и светлого — героя Саши, а во-вторых, наряду с другими героя-

⁶ Это почти дословная цитата из романа А. П. Степанова (1781–1837) «Постоялый двор»: «Сестра! когда меня убьют, вели вскрыть мою грудь, и ты увидишь на сердце отпечаток орла с шифром: Н» [17, с. 8].

⁷ Ср. из воспоминаний В. В. Вяземского: «Местечко Антонополь имеет до 200 домов... В сем местечке девичий пансион. Родители разобрали девушек и осталось только 12. В нем была моя квартира. Все малютки, одна только 16-летняя прекрасная Высоцкая, другая 14 — совершенная красота Скульская. Июнь, 30-го. Я, объезжая передовые посты рано очень, заехал в деревню, где были мои пансионерки. Все вскочили, в одних рубашонках, с открытыми грудочками, целовали мне плечи. Полная грудь Высоцкой прелщала меня, и я, шутя, начал ее целовать и, опустя мой взор к земле перпендикулярно, видел всю Высоцкую» [2, с. 204].

ми, также «по-человечески» слабыми и несовершеннолетними, реализовал общий авторский замысел — показать человеческое, частное, вопреки сложившемуся в общественном мнении канону.

О «советском классицизме», в том числе о чётком разведении персонажей по полюсам, исследователи, вслед за Андреем Синявским, говорили уже неоднократно⁸. В официальном советском искусстве 1920–1930-х гг. появляется своя специфика изображения отрицательных персонажей. Они снабжаются определённым набором черт, в числе которых — стремление к бытовому комфорту и собственному благополучию, нечестность, тупость, внешнее безобразие. Как в мистере, персонажу задаётся максимальная однолинейность, чтобы сразу было понятно, хороший он или плохой⁹. По сути, все его характеристики имеют целью раскрытие и утверждение его отрицательности.

Историческая проза в советской литературе, в силу своей востребованности как мощного дидактического средства, обрела интересную тенденцию: с одной стороны, декларировалась реалистическая правдивость изображения, с другой стороны, непрерывным условием объявлялось «движение к цели» и воспитание читателя в соответствии с этим движением. Неопределённых героев нет; есть герои, стремящиеся к цели, и есть те, кто мешает к ней идти. Мощными изобразительными средствами становятся юмор и сатира; «антигерои» 20-х гг. — это пережитки прошлого, с которыми необходимо расстаться смеясь. Они представлены с их мелкими бытовыми, а потому смешными нуждами и заботами, и эпизоды с их участием нередко напоминают интермедии из народного театра.

А. Л. Слонимский, автор неоднократно переиздававшейся повести «Черниговцы» (1931), посвящённой восстанию Черниговского полка, прибегает именно к таким приёмам. Отрицательный персонаж вызывает не ужас, не отвращение, а смех! Его полковник Муравьев похож даже не на комического «буржуя» или «офицера», а на мешанина, сентиментального и пошловатого обывателя из фельетонов. Снижено и опрощено всё, что его окружает, а в описании постоянно подчёркиваются фарсовые, смешные черты: толщина, маленькие глазки, трясущиеся щеки.

Вскочил Артамон Муравьев.

— Я первый положу живот на алтарь отечества! — воскликнул он горячо, и полные щеки его тряслись от волнения. — Я нанесу удар государю!..

<...>

Утром 27 декабря Артамон Захарович Муравьев встал в озабоченном настроении. Накануне он был взволнован вестью о том, что произошло в Петербурге 14 декабря. <...> В Петербурге идут аресты, в Тульчине уже арестован Пестель. От одного к другому — доберутся и до него. Его пухлые щеки дрожали, и неприятный холодок пробегал по спине, когда он вспоминал, как во время Лещинского лагеря он сам вызывался убить покойного государя. И вот вместо блестящей карьеры что же ожидает его: казнь, каторга, Сибирь? [16]

⁸ Статья «Что такое социалистический реализм» (опубл. в Париже в 1957 г.).

⁹ Так, изобразительные штампы советской кинематографии конца 1920-х – начала 1930-х гг. высмеяли в своих фельетонах «1001-я деревня» (1929) и «Рождение ангела» (1932) И. Ильф и Евг. Петров. В соцреализме нашла своё максимальное воплощение общественная обусловленность реализма, что было замечено А. В. Михайловым: «[В рождении реализма] ...не было ничего, что бы шло от литературы, от ее внутренних потребностей; в основе процесса лежали социальные и мировоззренческие, жизненные причины значительной степени общности и самой широкой степени воздействия» [10, с. 73].

Исторический материал подвергается переработке, даже вопреки достоверности: у Слонимского Артамон Муравьев, отказав в помощи Сергею, прячется в кабинете от приехавшего на следующий день Андреевича (такой поступок, по воспоминаниям Горбачевского, действительно имел место, только совершил его другой офицер); он отказывается доставить записку в артиллерийскую бригаду; его жена — «молодая дама» (в действительности — на три года старше мужа), возраст В. А. Муравьевой явно сбавлен для того, чтобы сделать более убедительными её капризы, ревность и «чувствительность», разумеется свойственные супруге такого человека; наконец, в финале — в «письме Горбачевского», которым заканчивается повесть, — упоминается, что жена последовала за ним в Сибирь, что также недостоверно. В текст вводятся новые, сравнительно с «Александром I», источники, в том числе «Воспоминания сибиряка» Н. А. Белоголового, до революции выдержавшие четыре издания. Вполне реальный эпизод — ящик с конфетами, который запомнил Белоголовый, ребёнком видевший А. З. Муравьева на поселении в Сибири, — возникает в тексте двадцатью годами ранее, доводя описываемую ситуацию до абсурда:

— Разрешите, господин полковник, — повысив голос, оборвал его наконец потерявший терпение Гебель. — Я к вам по делу!

— Ах, по делу! — сказал Артамон. — Тогда пожалуйте в кабинет.

Войдя в кабинет, Гебель начал сразу:

— Мы решились вас потревожить...

Но Артамон, подхватив его и поручика Ланга за талию, повлек их к столу.

— Дело не уйдет, говорил он шутливо, — а покамест протяните ручки... —

И он выдвинул ящик с конфетами.

Гебель был так озадачен, что взял конфету и положит ее в рот. Его примеру последовал и поручик Ланг [16]¹⁰.

Вся глава, исключительно выдержанная интонационно, завершается вполне логичной комической сценой:

Припертый к стене, Артамон принужден был рассказать ей [жене] и про 14 декабря, и про братьев Муравьевых, которые будто бы искали у него спасения, и про то, как ему удалось перехитрить Гебеля. Он умолчал только о своем собственном участии в тайном обществе. Жена слабо улыбнулась, поцеловала его в лоб и сказала со вздохом:

— Ах, я всегда подозревала Муравьевых. Только знаешь, Артанчик, я боюсь за тебя: ты такой добрый [16].

Роман М. Д. Марич «Северное сияние» также принадлежит к числу произведений, работа над которыми началась в середине 1920-х гг. — к столетию восстания 14 декабря. Первая часть романа была опубликована в 1926 г., вторая — в 1931 г. «Се-

¹⁰ Ср.: «Кроме ласковости и веселых шуток, он нас расположил к себе, помню, еще и оригинальным угощением; сидя по-турецки с сложенными ногами на широком диване, он нам командовал: “Ну, теперь, дети, марш вот к этому письменному столу, станьте рядом против правого ящика; теперь закройте глаза, откройте ящик, запускайте в него руки и тащите, что вам попадет”. Мы исполняли команду в точности, по мере того, как она производилась, и объемистый ящик оказался доверху наполненным конфетами» [1, с. 246–247].

верное сияние» неоднократно переиздавалось (в последний раз — в 1981 г.). Некоторое сходство со Слонимским налицо: полковник Муравьев — крикун, любитель выпрених речей, к нему относятся насмешливо и недоверчиво, не придавая особого значения его декламациям.

Матвей изменился в лице, а Артамон, сжав кулаки, стал грозить и новому царю и генералам, которые участвовали в подавлении восстания:

— Подождите, мы вам покажем! Не уйти вам от народного суда! Не думайте, что наш народ останется навечно покорным рабом вашим. Не думайте, что русское дворянство обречено на вечный позор рабовладения. У нас есть совесть, и трепещите, тираны: она проснулась!

Матвей насмешливым взглядом следил за жестикуляцией Артамона [4].

Жена полковника Вера Алексеевна — «Веруша» — кокетливая барынька, которая то и дело уезжает в Москву «за песнями» и, видимо, неверна мужу. Тем не менее интонация меняется: герой — не столько комический бахвал, «капитан Фракасс», сколько слабый, запутавшийся и по-своему несчастный человек, который на свой лад даже пытается помочь друзьям:

— Пойдите, — перебил Артамон. — Я сейчас же скачу в Санкт-Петербург, к государю. Я расскажу ему все подробно о Тайном нашем обществе, представлю, с какою целью оно было составлено, что намеревалось сделать... Я уверен, что государь, узнав наши добрые и патриотические намерения, оставит нас всех при своих местах. И, наверно, вокруг него найдутся люди, которые примут нашу сторону [4]. (Ср. у Слонимского: «Он [император] поймет нас, простит и сам установит вольность. Я поеду в Петербург, брошусь к его ногам, не утаю ничего. Он увидит мою искренность. Он добр, он простит, он поймет... Ах, детки, я верю в великодушные государя!» [16]).

<...>

Матвей молча в упор, смотрел на Артамона. Тот вдруг заговорил извиняющимся тоном:

— Вот Сережа рассердился на меня. А что собственно я могу сделать? Полк я принял недавно. Ни офицеров, ни солдат не знаю. К такому важному предприятию полк, конечно, вовсе не подготовлен. А посему выводить людей на подобное дело — значит заведомо идти на неудачу [4].

У Марич «Веруши» именно в это время нет дома, и, тогда как у Слонимского недомогание жены (типически «дворянское» и неоднократно осмеиваемое — мигрень) становится ещё одним поводом подчеркнуть комические черты «несостоявшегося героя», Марич «подправляет» реальность именно здесь и убирает то, что могло бы сделать персонажа смешным¹¹.

В повести С. Рассадина, «Никогда никого не забуду» (1987), посвящённой И. Горбачевскому, попросту опущен один из наиболее щекотливых моментов, а именно: каким образом Горбачевскому, автору «Записок», удалось узнать содержание разговора с Сергеем и Матвеем Муравьевыми-Апостолами, во время которого полковник

¹¹ О том, что В. А. Муравьева в это время находилась дома, упоминает Вадковский в «Белой Церкви».

Муравьев отказал восставшим в помощи (напомню, что сам Горбачевский при этом разговоре не присутствовал). Читателю предлагается сделать вывод, что Горбачевский слышал об этом в Сибири от единственного находящегося в непосредственном доступе участника — самого Артамона Муравьева. Интонации повествования — мягкие, лирически-грустные — обусловлены тем, что текст представлен как воспоминания Горбачевского, оставшегося в Сибири после амнистии и пережившего многих своих товарищей. Не обличение, не смех — лёгкая ирония, сожаление и прощение, в память о молодости и ушедшей «великолепной эпохе».

— Полковник Артамон Захарович Муравьев!!!

Точно: сам собой отлетел в сторону нависший над входом полотняный полог, и шагом, на удивление скорым для дородной его фигуры, в балаган вошел-вмчался-впрыгнул командир Ахтырского гусарского полка, одаряя стоящих справа и слева улыбкой тридцатилетнего баловня жизни, доброго малого, который всякого радушно зовет убедиться, какой он и на самом деле добрый малый...

...

— Черт возьми, что бригада! — Артамон Муравьев, курчавый, белозубый, розовощекий, весь — вывеска гусара, пришелец из стихов Дениса Давыдова, поднялся в рост, вновь со щедростью дозволяя всем нарадоваться его ленивой, цветущей, обаятельной статью. — Верьте слову, за моими ахтырцами тотчас поднимется Александрийский полк... Мы купим свободу нашу кровью, и подлый тиран заплатит свою за все зло, что причинил отечеству!..

Славно было сказано! [13]

Вообще грусть о несостоявшейся героике становится одним из лейтмотивов литературы восьмидесятых (а идея «выхода на площадь» — или невозможности этого выхода — проникает, в том числе, в бардовскую поэзию)¹². Ностальгия, тоска по героической эпохе тесно связаны с идеей исторической памяти и исторического мифа: это своего рода попытка «переиграть» необратимую историю и превратить реальный хронотоп в сферу мифологии¹³.

Повествовательное пространство остаётся вполне фактологически убедительным, в том числе, как и прежде, за счёт цитат из мемуарной литературы (помимо «Записок» самого Горбачевского, Рассадина — местами дословно — цитирует, например, воспоминания Штейнгеля о переходе в Петровский завод) [18]. «Никогда никого не забуду» — это преимущественно воспоминания героя, перемежаемые авторскими размышлениями; сюжет внешне не связан и как будто не логичен, поток сознания и монтаж как ведущие приёмы местами делают «авторское» и «персонажное» едва отделимыми друг от друга. Не забыть, но и не мстить ошибившимся: «Кто старое помянет, тому глаз вон, а кто забудет, тому оба» — это становится лейтмотивом повести, отражая двойственность, заложенную и в заглавии, и в то же время соответствуя вполне реальному примирению и сотрудничеству на каторге и в Сибири бывших политических противников, которых прежние разногласия не превратили во врагов.

¹² Например, «Около площади» А. Городницкого (1981).

¹³ Ср.: «Но и в таком случае ничего не переменится: ясно ведь, что никакое произведение не может просто так, каким-то чудом вырваться из своего круга, оторваться от самого принципа, направляющего осмысление действительности; не один принцип комбинирования, так другой, не один способ осмысления и образного оформления вертикали, так другой, не один миф, так другой» [6]. Цит. по: URL: <http://www.universalinternetlibrary.ru/book/29012/ogl.shtml> (дата обращения: 15.04.2016).

Что ж, тело заплывчиво, а дело, забывчиво, говорят в народе; кто старое помянет — понимать надо: старое зло, — тому... ну и так далее. А Артамон Муравьев, это состарившееся дитя, а вернее сказать, с годами-то и получивший сходство с седым ребенком, был таков, что не любоваться было трудно. Пусть хотя бы и не без иронии.

...Легкий был человек — пусть будет легка ему и земля под Иркутском, в которую сошел он, не дождавшись России. Тем паче, что счастливый нрав не означал, будто счастлив был сам его обладатель. Невидной, сосущей болью его была тоска по жене, по Вере Алексеевне, которую он обожал рыцарски, смолоду нося на правой руке четыре выколотых латинских буквы: Vera, и которая рвалась к нему в Сибирь, да не была допущена собственною болезнью. Так и тосковали порознь... [13].

Автор сам комментирует свой подход к истории, утверждая опору на документы как нечто объективно достоверное при максимальной субъективизации изображаемого (поток сознания). Несомненно, не все документы одинаково равноценны, вряд ли можно поставить знак равенства между письмами, мемуарами и протоколом, но этот вопрос относится уже к области соотношения литературы и документа. Во всяком случае в авторской концепции они объединены как «документы эпохи».

Юрий Тынянов говорил: «Там, где кончается документ, там я начинаю». По скромным силам автора этой повести, да, говоря по правде, и согласно его твердым намерениям, он не может этого повторить. Он начинает и кончает вместе с документом. И пробует нечто домысливать (вернее, осмысливать) в его четких пределах, покорно соглашаясь выглядеть ограниченным, но не чем иным, как его, документа, границами [13].

«Самоустановленное» соотношение истории и вымысла в исторической прозе становится для автора средством сказать нечто не только о персонажах и случившихся событиях, но также об эпохе и о себе. Проблема историзма, снимающего противоречие между идеалом и исторической реальностью, оказывается значительно сложнее, чем чистая фактография, сбор материалов и обобщений. Историзм как рабочий инструмент писателя — это отказ от жёстких рамок и принципиально самостоятельный поиск той черты, где заканчивается документ и начинается автор.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Белоголовый Н. Воспоминания сибиряка / изд. подгот. Н. Н. Александровой и Н. П. Матхановой. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1988. 560 с.
- 2 Вяземский В. В. «Журнал». 1812 г. // 1812 год... Военные дневники. М.: Сов. Россия, 1990. С. 186–226.
- 3 Записки неизвестного из Общества соединенных славян // Русский архив. 1882. № 2. С. 436–557.
- 4 Марич М. Д. Северное сияние // ЛитМир — электронная библиотека. URL: <http://www.litmir.co/br/?b=19127> (дата обращения: 10.06.2015).
- 5 Марич М. Д. Северное сияние. М.: ГИХЛ, 1955. 664 с.
- 6 Мережковский Д. С. Александр Первый // Мережковский Д. С. Собр. соч.: в 4 т. М.: Правда, 1990. Т. 3 / «Собрание классики» (Lib.ru/Классика) URL: <http://az.lib>

- ru/m/merezhkowskij_d_s/text_0240.shtml (дата обращения: 12.04.2015).
- 7 *Мережковский Д. С. Александр Первый // Мережковский Д. С. Собр. соч.: в 4 т. М.: Правда, 1990. Т. 3. 557 с.*
- 8 *Михайлов А. В. Обратный перевод / сост. Д. Р. Петров, С. Ю. Хурумов; предисл. С. Г. Бочарова. М.: Языки русской культуры, 2000. 848 с.*
- 9 *Михайлов А. В. Обратный перевод. М.: Языки русской культуры, 2000 // Электронная библиотека RuLit. URL: <http://www.rulit.me/books/obratnyj-perevod-read-222625-1.html> (дата обращения: 03.11.2015).*
- 10 *Михайлов А. В. Проблемы анализа перехода к реализму в литературе XIX века // Языки культуры. М.: Языки русской культуры, 1997. 912 с.*
- 11 *Оксман Ю. Г. Записка Ф. Ф. Вадковского о восстании Черниговского полка // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820 гг. М.: Гос. публ. ист. библи. России, 2008. С. 215–228.*
- 12 *Рассадин С. Б. Никогда никого не забуду. Повесть об Иване Горбачевском. М.: Политиздат, 1987. 315 с.*
- 13 *Рассадин С. Б. Никогда никого не забуду. Повесть об Иване Горбачевском. М.: Политиздат, 1987 // «Собрание классики» (Lib.ru/Классика). URL: http://az.lib.ru/g/gorbachewskij_i_i/text_0020.shtml (дата обращения: 04.06.2015).*
- 14 *Садовский Б. Оклеветанные тени (О романе Д. С. Мережковского «Александр I») // Северные записки. 1913. № 1. С. 115–119.*
- 15 *Слонимский А. Л. Черниговцы. Повесть о восстании Черниговского полка. М.: Детская литература, 1989. 270 с.*
- 16 *Слонимский А. Л. Черниговцы. Повесть о восстании Черниговского полка // Лит-Мир – электронная библиотека. URL: <http://www.litmir.co/br/?b=234115> (дата обращения: 04.06.2015).*
- 17 *Степанов А. Постоялый двор. Записки покойного Горянова, изданные его другом Н. П. Маловым: в 4 ч. Ч. 1. СПб., 1835. Ч. 2. 315 с.*
- 18 *Штейнгель В. И. Дневник достопамятного нашего путешествия из Читы в Петровский завод 1830 г. // Декабристы: Неизд. материалы / под ред. Б. Л. Модзалевского, Г. Оксмана. М., 1925. С. 133–148.*

*Valentina S. Sergeeva,
A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
Povarskaya St., 25 a, 121069 Moscow, Russia*

HISTORY AND FICTION IN HISTORICAL PROSE

Abstract: The theme of the Decembrist uprising has drawn many authors' attention since this literary tradition was founded by N. A. Nekrasov ("Russian Women" and "The Grandfather") and the subject itself came into general literary and cultural use. Special attitude towards Russian history of the 19th century is well seen at the turn of the century, in the days of symbolism, and later, in Soviet literature. This report concerns the D. S. Merezhkovsky's novel "Alexander the First," also "Northern Lights" ("Severnoe syjanie") by M. Marich and "I Shall Never Forget Anyone" ("Nikогда nikogo ne zabudu") by S. Rassadin, that deal with the history of the Decembrists, especially with

the Southern Society. There is a special and close relationship between author and data in historical prose. Depicting this or that historical event, the author can pursue different purposes, namely, of comparing it with something chronologically closer, or assigning an algorithm for his readers, or analyzing the event from the characters' point of view. Studying a historical novel, we can often see how a historical episode is refracted in contemporaries' memory and reception as well as in the reception of future generations.

Keywords: Russian literature, Soviet literature, history, fiction, historicism, Decembrists, Decembrists' myth.

Received: June 27, 2016.

Information about the author: Valentina S. Sergeeva — PhD in Philology, senior research assistant of the literary theory dep. of the A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. E-mail: yogik84@mail.ru

REFERENCES

- 1 Belogolovj N. *Vospominanija sibirjaka* [Memoirs of a Siberian], ed. by N. N. Aleksandrovoj, N. P. Mathanovoj. Irkutsk, Vost.-Sib. kn. izd-vo Publ., 1988. 560 p. (In Russ.)
- 2 Vjazemskij V. V. "Zhurnal." 1812 g. [Journal. 1812]. 1812 god... *Voennye dnevniki* [1812... War diaries]. Moscow, Sovetskaja Rossija Publ., 1990, pp. 186–226. (In Russ.)
- 3 Zapiski neizvestnogo iz Obshhestva soedinennyh slavjan [Notes of an Unknown Man from the United Slavs' Society]. *Russkij arhiv* [Russian Archive], 1882, no 2, pp. 436–557. (In Russ.)
- 4 Marich M. D. *Severnoe sijanie* [Nothern Lights]. LitMir — elektronnaia biblioteka. Available at: <http://www.litmir.co/br/?b=19127> (Accessed 10 June 2015). (In Russ.)
- 5 Marich M. D. *Severnoe sijanie* [Northern Lights]. Moscow, GIHL Publ., 1955. 664 p. (In Russ.)
- 6 Merezhkovskij D. S. Aleksandr Pervyj [Alexander the First], Merezhkovskij D. S. *Collected Works in 3 vol.* Moscow, Pravda Publ., 1990. Vol. 3. "Sobranie klassiki" (Lib.ru/Klassika) Available at: http://az.lib.ru/m/merezhkovskij_d_s/text_0240.shtml (Accessed 12 April 2015). (In Russ.)
- 7 Merezhkovskij D. S. Aleksandr Pervyj [Alexander the First]. Merezhkovskij D. S. *Collected Works in 3 vol.* Moscow, Pravda Publ., 1990. Vol. 3. 557 p. (In Russ.)
- 8 Mihajlov A. V. *Obratnyj perevod* [Reverse translation], ed. by D. R. Petrov, S. Ju. Hurumov; intr. by S.G. Bocharov. Moscow, Jazyki russkoj kul'tury Publ., 2000. 848 p. (In Russ.)
- 9 Mihajlov A. V. *Obratnyj perevod* [Reverse translation]. Moscow, Jazyki russkoj kul'tury Publ., 2000. Jelektronnaia biblioteka RuLit [Digital library RuLit]. Available at: <http://www.rulit.me/books/obratnyj-perevod-read-222625-1.html> (Accessed 03 November 2015). (In Russ.)
- 10 Mihajlov A. V. *Problemy analiza perehoda k realizmu v literature XIX veka* [Problems of analysis of the transition to realism in the literature of the 19th c.]. Jazyki kul'tury. Moscow, Jazyki russkoj kul'tury Publ., 1997. 912 p. (In Russ.)
- 11 Oksman J. G. Zapiska F.F. Vadkovskogo o vosstanii Chernigovskogo polka [A Note of F. F. Vadkovky concerning the uprising of the Chernigov regiment]. *Vospominanija i rasskazy dejatelej tajnyh obshhestv 1820 gg.* [Memoirs and stories of the participants of secret societies from the 1820-ies]. Moscow. Gos. publ. ist. bibl. Rossii Publ., 2008,

- pp. 215–228. (In Russ.)
- 12 Rassadin S. B. *Nikogda nikogo ne zabudu. Povest' ob Ivane Gorbachevskom* [I Shall Never Forget Anyone. A Tale of Ivan Gorbachevsky]. Moscow, Politizdat Publ., 1987. 315 p. (In Russ.)
- 13 Rassadin S. B. *Nikogda nikogo ne zabudu. Povest' ob Ivane Gorbachevskom* [I Shall Never Forget Anyone. A Tale of Ivan Gorbachevsky]. Moscow, Politizdat Publ., 1987. “Sobranie klassiki” (Lib.ru/Klassika). Available at: http://az.lib.ru/g/gorbachewskij_i_i/text_0020.shtml (Accessed 04 June 2015). (In Russ.)
- 14 Sadovskij B. Oklevetannye teni (O romane D.S. Merezhkovskogo “Aleksandr I”) [Defamed Shadows. Of D. S. Merezhkovsky’s Novel “Alexander the First”]. *Severnye zapiski* [Nothern Notes], 1913, no 1, pp. 115–119. (In Russ.)
- 15 Slonimskij A. L. *Chernigovcy. Povest' o vosstanii Chernigovskogo polka* [Chernigovcy. A Tale of the Chernigov Regiment Uprising]. Moscow, Detskaja literature Publ., 1989. 270 p. (In Russ.)
- 16 Slonimskij A. L. *Chernigovcy. Povest' o vosstanii Chernigovskogo polka* [Chernigovcy. A Tale of the Chernigov Regiment Uprising]. LitMir—jelektronnaja biblioteka. Available at: <http://www.litmir.co/br/?b=234115> (Accessed 04 June 2015). (In Russ.)
- 17 Stepanov A. *Postojalij dvor. Zapiski pokojnogo Gorjanova, izdannye ego drugom N. P. Malovym: v 4 ch.* [The Inn. Notes of the Late Gorjanov Published by His Friend N. P. Malov]. St. Petersburg, 1835. Vol. 1. 315 p. (In Russ.)
- 18 Shtejngel' V. I. *Dnevnik dostopamjatnogo nashego puteshestvija iz Chity v Petrovskij zavod 1830 g.* [A Journal of Our Memorable Journey from Chita to Petrovsky Factory]. *Dekabristy: Neizdannie materialy* [The Decembrists: Unpublished], ed. by B. L. Modzalevskogo, G. Oksmana. Moscow, Obshhestvo politkatorzhan Publ., 1925, pp. 133–148. (In Russ.)